

Н. В. Успенский

Н. А. Некрасов

- Не бойтесь, не бойтесь! - послышался в углу залы тихий и хриплый голос поэта "мести и печали", когда меня встретили у двери два красивых сеттера. - Что вам угодно?

Я сказал, что доставил в редакцию "Современника" два рассказа из народного быта, и назвал свою фамилию.

- Я с удовольствием прочитал их, - сказал Николай Алексеевич, - особенно мне понравился ваш "Поросенок"... Прелестная вещь... А вот на вашем рассказе "Хорошее житье", кажется, была какая-то надпись...

- Да! В редакции "Отечественных записок" мне написали, что язык слишком народен и непонятен для публики... Я стер эту заметку...

- Ха-ха-ха... Слишком народен!.. Это превосходно... Вы, что же, учитесь где-нибудь?

- В Медицинской академии, но мне хотелось бы перейти в университет по историко-филологическому факультету...

- Напрасно! Кого вы будете там слушать! Все это бездарность страшная... Уж если вы пишете такие прелестные очерки, то вы умнее всякого профессора... Какой вы губернии?

- Тульской...

- Ну, вот еще одним дарованием больше... В "Современнике" участвуют ваши земляки: Тургенев, Толстой, Григорович... Тургенев обещал проездом из Парижа скоро побывать в Питере. Вы не нуждаетесь ли в деньгах? Я могу с вами поделиться... Вот не угодно ли вам пока пятьдесят рублей... Если что-нибудь напишете еще, пожалуйста, приносите мне. А эти очерки будут напечатаны в следующей книжке...

- Вы, Николай Алексеевич, сказали, что мне не следует поступать в университет... Что же мне делать?

- Да просто плывите по течению... Читайте Диккенса, Теккерея и пишите...

В скором времени Некрасов известил меня, что на Невском, в зале Бенардаки, устраивается Е.П. Ковалевским литературный вечер, в котором мое участие было бы весьма желательно. Я согласился и в назначенный час пришел к Некрасову, который был не в духе и говорил, роясь в бумагах:

- Терпеть не могу этих вечеров, где нужно выставлять напоказ свою физиономию...

- Карета подана! - возвестил лакей, и мы отправились.

Вечер прошел удачно. На другой день часов около двенадцати мы поехали с Н.А. к Ковалевскому к Красному мосту. Некрасов был очень весел и, расхаживая в кабинете Евграфа Петровича из угла в угол, рассказывал из своей прошлой жизни:

- Нанимал я квартиру на Васильевском острове, в нижнем этаже. Денег у меня не было ни копейки. Пошел я в мелочную лавочку попросить в долг чайку. Купец оказался моим земляком - ярославцем - и большим любителем чтения газет. "Дивное дело, - говорил он, - как это умудрились печатать газеты... Пишет человек, к примеру, пером, а выходит совсем другое". Я объяснил ему, в чем дело, и так ему понравился, что он с удовольствием отпустил мне чаю и сахару. Но положение мое, однако, нисколько не улучшилось. Лежа на полу на своей шинели, я сделался предметом праздного любопытства уличных зевак, которые с утра до ночи толпились у моих окон. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и он приказал закрыть окна ставнями. При свете сального огарка я решился описать одного помещика с женою, у которых я был учителем. Так как хозяин отказал мне в чернилах, я соскоблил от своих сапог ваксу, написал очерк и отнес его в ближайшую редакцию. Это спасло меня от голодной смерти... В одно утро к моей квартире подъезжает щегольская коляска, из которой выходит бывший издатель "Современника" Иван Иванович Панаев и спрашивает дворника: "Здесь живет Николай Алексеевич Некрасов?" С этого рокового момента судьба сделалась ко мне поблагосклоннее...

Действительно, не прошло пяти-шести лет, как Некрасов сделался полным и своевластным хозяином "Современника", у которого было около восемнадцати тысяч подписчиков. Как это случилось, я не берусь решить, хотя и слышал многое множество вариантов на эту в высшей степени назидательную тему...

Однажды в трескучий зимний мороз я пришел к Некрасову, чтобы передать ему один из своих очерков. С знаменитым поэтом сидел известный ветеран-беллетрист Д.В. Григорович.

- Знаете, что я вам посоветую, Успенский, - начал Николай Алексеевич, - поезжайте-ка за границу.

- Да на какие же средства?